

опасна? Да вздоръ! И сами доктора врутъ, сами хорошенько не знаютъ... Что дѣлать?...

„Дойду или упаду, выбора нѣтъ!“ — сказалъ я вслухъ и при этомъ быстро сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ: „вѣдь отлично хожу и, пожалуй, работать можно“... Я сжималъ кулаки, напрягалъ мышцы... Можно, положительно можно, и мѣшкать нечего... Непремѣнно надо дойти, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, а то въ самомъ дѣлѣ упаду. Это рѣшеніе дало мнѣ бодрость и увѣренность. „Hast den Muth verloren, hast alles verloren!“ сказалъ я себѣ опять вслухъ: „впередъ!“

Первая моя мечь обратилась на лекарство: я взялъ стклянку, высоко поднялъ ее, нагнулъ и злорадно любовался на длинную струю жидкости, медленно спускающуюся въ тазъ грязной воды. „Теперь пойду спать... Воображаю, какъ завтра будетъ удивленъ докторъ, когда увидитъ, что паціентъ его сбѣжалъ“. На другое утро я закутался и пошелъ работать, тѣмъ болѣе, что жилъ почти рядомъ съ академіей.

Я сталъ заниматься, но мнѣ было трудно; за все это время я очень ослабѣлъ. Нечего и говорить, что напрягалъ всѣ свои силы, — конечно, относительно, — чтобы кончить „Ивана Грознаго“. Инстинктивно чего-то ждалъ отъ него, надѣялся, что, въ концѣ концовъ, академія признаетъ за мною званіе не почетнаго гражданина, а художника. Я чувствовалъ за собою право на это — всѣ получаютъ, отчего же мнѣ не получить? Неужто въ самомъ дѣлѣ я не художникъ?... Мое самолюбіе сильно страдало: семь лѣтъ проработать и получить званіе почетнаго гражданина! Можетъ быть, это что-нибудь и очень важное, но вѣдь я знаю одного поставщика дровъ для казны, который получилъ даже потомственное почетное гражданство. Безъ сомнѣнія, онъ принесъ пользу своему отечеству, и пользу гораздо болѣшую, чѣмъ я. Но если мнѣ дали подобную награду, то отчего же не дать ему званіе художника за отличное исполненіе обязанностей?

Кажется, около этого времени пріѣхала въ Петербургъ Великая Княгиня Марія Николаевна, бывшая тогда президентомъ академіи художествъ. — Академическая выставка кончилась, раздавались награды: одинъ мой знакомый получилъ то-то, другой то-то, и т. д. Не скрываю, что я смотрѣлъ на нихъ съ нѣкоторою завистью и досадой. Мнѣ было досадно, что я не кончилъ „Ивана Грознаго“, авось и я бы получилъ что-нибудь. Вдругъ у меня явилась счастливая мысль: пойду къ начальству, скажу, что у меня есть большая просьба, но что раньше, чѣмъ я выскажу, въ чемъ дѣло, прошу, чтобы осмотрѣли мою работу... неужто мнѣ и въ этомъ